

ТЕОФРАСТ

О МЕСТЕ, ВРЕМЕНИ И ДВИЖЕНИИ

(ФИЗИЧЕСКИЕ ФРАГМЕНТЫ 142–157 FHSG)

Е. В. АФОНАСИН

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
afonasin@gmail.com

EUGENE AFONASIN

I. Kant Baltic Federal University

THEOPHRASTUS ON SPACE, TIME AND MOTION (FRAGMENTA PHYSICA 142–157 FHSG)

ABSTRACT. Theophrastus wrote many works devoted to the study of nature. Some of the texts have survived, others are known from brief quotations and retellings, mainly in Neoplatonic commentaries. The loss of his *Physics* is particularly significant; like the *Metaphysics* that has come down to us, it was likely aporetic in nature and covered a wide range of topics, from the methodological foundations of natural science to the psychology of sensory perception. In this publication, I first translate several pieces of evidence regarding the role Theophrastus assigned to natural science as a whole within the system of sciences, and then present fragments of his teachings on place, time, and motion. We see how Theophrastus refines the Peripatetic conception of time as a quantitative characteristic of motion, reflects on the paradoxes of defining place as the boundary of a body, and redefines it in terms of the mutual relations of bodies. It becomes clear that for Theophrastus is also important to distinguish between actual spatial movements and imaginary pseudo-movements of a relative nature, and to understand the specifics of qualitative transitions and instantaneous changes. Furthermore, he addresses the question posed by Aristotle regarding the irreversibility of physical processes over time. The excerpts are taken from the FHSG (1992) edition, retaining the original numbering. In the commentary, I place our brief excerpts in their proper context, provide important parallels, and include bibliographic references.

KEYWORDS: ancient science, physics, space, time, motion, laws of nature, Peripatetic school.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00141, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. This study was funded by Russian Science Foundation, project number 25-18-00141, I. Kant Baltic Federal University, <https://rscf.ru/project/25-18-00141/>

Теофрасту принадлежало много сочинений, посвященных изучению природы. Часть текстов сохранилась, в оригинале или в средневековых переводах, другая известна по кратким цитатам и пересказам, в основном, в неоплатонических комментариях (подробнее см. фр. 137 FHSg и Sharples, Gutas 1998, 1–30). Особенно значима утрата его *Физики*, которая, вероятно, как и дошедшая до нас *Метафизика*, носила апоретический характер (см., например, фр. 146 и 149, ниже) и включала в себя разнообразные вопросы от методологических оснований естествознания до психологии чувственного восприятия. Кроме того, он написал ряд сочинений, посвященных частным темам (таким как разнообразные погодные явления, вода, огонь, полезные ископаемые и т. д.), а также в какой-то форме представил естественнонаучные воззрения своих предшественников (фр. 224–245 FHSg). В данной публикации я сначала привожу несколько свидетельств о том, какую роль Теофраст отводил естествознанию как целому в системе наук, а затем представляю фрагменты его учения о месте, времени и движении. Мы видим, как Теофраст уточняет перипатетическое представление о времени как количественной характеристике движения, размышляет о парадоксах определения места как границы тела и переопределяет его в терминах взаимного отношения тел. Теофрасту также важно уловить отличие реальных пространственных перемещений от мнимых псевдо-движений, имеющих относительный характер, понять специфику качественного перехода и моментальных изменений. Кроме того, он занят ответом на поставленный Аристотелем вопрос о необратимости физических процессов во времени. Фрагменты приводятся по изданию FHSg с сохранением нумерации. В комментариях я помещаю наши краткие фрагменты в подходящий контекст, привожу важные параллели и библиографические ссылки.

1. НАЧАЛА НАУК О ПРИРОДЕ

142

Simplicius, In Aristotelis Physica 1.1 184a16-b14 (CAG t.9 p.18.29-34 Diels)

Платон весьма удачно назвал науки о природе правдоподобными науками (*φυσιολογίαν εἰκοτολογίαν*); но ведь и Аристотель свидетельствует вместе с ним, желая, чтобы основные доказательства базировались на началах непосредственных и самоочевидных, и восходили к основным причинам, первым по природе. Науками о природе пренебрегать поэтому не следует, однако довольствоваться надлежит лишь тем, что происходит по природе и находится в наших силах (*φύσιν καὶ δύναντιν*); так думает и Теофраст (*Θεόφραστος*).

143

Simplicius, In Aristotelis Physica 1.1 184a16-b14 (CAG t.9 p.20.17-26 Diels)

Говоря обобщенно, в поисках истины относительно естественных причин, нам надлежит опираться на чувства и начинать с того, что чувственно воспринимается, следуя совету Теофраста, который, изучив этот предмет, так написал о нем в первой книге своей *Физики*: «Так как без учета движения невозможно говорить ни об одной вещи (ведь все вещи в природе находятся в движении), а без учета изменений и взаимных влияний [невозможно говорить] о вещах, находящихся в центральной области, то, рассуждая об этих вещах и по их поводу, мы не можем отвлечься от чувственного восприятия. Напротив, с него нам и следует начать наш опыт усмотрения,¹ либо взяв явления как таковые, либо начав с них, если окажется, что существуют другие начала, более важные (κυριώτεροι) и первостепенные (πρότεροι)».

144 A

Philoponus, In Aristotelis Physica 1.1 184a10-12 (CAG t.16 p.4.8-5.6 Vitelli)

Так сказал Аристотель. Теофраст же в своей книге *О природе* воспроизводит этот силлогизм полностью, полагая, что в прояснении нуждается также и малая предпосылка, согласно которой наука о природе включает в себя [изучение] начал, причин и элементов. Ведь это не очевидно. Доказывает он это таким образом: природные вещи (τὰ φυσικὰ πράγματα), по его словам, либо тела, либо существуют в телах, как, например, стремления, способности и тому подобное. Но ведь все тела и все то, что существует в телах, – это сложные вещи.

Очевидно, что тела сложные. Однако сложными он считает также и способности, которые существуют в подлежащих им телах, и, в целом, все формы (εἶδη), находящиеся в каком-либо субстрате,² потому что, прежде всего, они принадлежат к определенному роду и обладают отличительными признаками и, кроме того, даже если они окажутся простыми с точки зрения их определения, все же само определение существует не в действительности, но только в мышлении. Так что, рассматривая их в действительности, мы рассматриваем также и их субстрат. Так, зрение в действительности – это не просто способность, но способность вкупе с зрительной пневмой. Поэтому естествоиспытатели, изучающие эти вещи в качестве естественных и существующих в действительности, рассматривают их вместе с субстратом. Ведь их определение, как я сказал, существует только в мышлении. Поэтому

¹ Или: «построения теории».

² Или: «в чем-то, им подлежащем».

Аристотель не желал сводить их к (Платоновым) формам, полагая, что в природе формы утрачивают действительность, будучи отделены от тел и существуя лишь в мышлении. Ведь по сути они ничем не отличаются от формы тела. В собственном смысле слова она, конечно, проста (я говорю о протяженности в трех измерениях), однако для своего существования нуждается в материи, так что всякое существующее тело окажется не простым, но составленным из материи и формы, что верно и для этих вещей. Ведь, будучи рассмотрены сами по себе, они простые, но если мы рассмотрим их в качестве существующих на самом деле, то увидим их вместе с телом, которое является их субстратом. Значит не простые они, а сложные.

Итак, если все природные вещи либо сами являются телами, либо находятся в телах, будучи в обоих случаях сложными, то сложность присуща всем природным вещам. Но все сложные вещи нуждаются в элементах, причинах и началах, а простые вещи – это и есть те элементы, из которых состоят сложные. Значит, в началах, причинах и элементах нуждаются все природные вещи. Так (Теофраст) восстанавливает малую предпосылку и присоединяет ее к большей, согласно которой все, обладающее началами или причинами, или элементами известно тогда, когда известны эти последние, в итоге заключая, что все естественные вещи известны тогда, когда известны их начала.

144 В

Simplicius, In Aristotelis Physica 1.1 184a10-16 (CAG t.9 p.9.5-10 Diels)

Однако то, что у природных вещей есть начала, покажет все последующее рассуждение, поэтому пропустим здесь соответствующее доказательство. По этой же причине, как мне кажется, и (Аристотель) опустил эту предпосылку. Однако Теофраст в самом начале своей *Физики* это доказывает, отмечая следующее: «Наличие начал у природных вещей очевидно потому, что тела природных вещей сложные, а все сложное в качестве начал имеет то, из чего оно состоит. Ведь все в природе либо само является телом, либо обладает телом; но и то сложно, и другое».

145

Аш-Шахрастани, Книга о религиях и сектах (p.343.15-344.2 Cureton)

Основываясь на Аристотеле, Платоне, Теофрасте, Порфирии и Плутархе, [неоплатоник] Фемистий передает мнение, согласно которому мир как целое

представляет собой единую общую природу, а также что каждый вид растений и животных отличается своей собственной природой. Их определение общей природы состоит в том, что в вещах первым качеством их сущности является начало движения и покоя, причина движения для того, что движется, и покоя для того, что покоится. Они утверждали, что именно природа управляет всеми вещами в мире, как одушевленными, так и неодушевленными, не будучи при этом жизнью, силой или волей. И все же она действует мудро и правильно, в согласии с разумным порядком и точным замыслом.³

Комментарий к первому разделу

В самом начале первой книги *Физики* Аристотель отмечает, что познать ту или иную вещь можно, лишь вычленив основные элементы, из которых она состоит, а также уяснив ее «первые начала и причины» (184a12–13). Именно таков путь «от более понятного и явного для нас к более понятному и явному по природе» (a16), когда сначала мы воспринимаем целое и слитное, как наиболее очевидное с эмпирической точки зрения, а лишь затем, методом вычленения составляющих частей и уяснения действующих причин, приходим к пониманию первых начал. Однако Аристотель, по мнению его ученика, слишком быстро перешел к выводу, опустив в своем рассуждении промежуточные шаги. В частности, он не пояснил, почему в познании следует начинать с того, что наиболее доступно познающему, почему человеческое постижение ограничено, а также почему все, что мы встречаем на пути познания, носит составной характер.

Перефразирующий Теофраста Симпликий свидетельствует о том, что тот также включился в старый спор между платониками, считающими естествознание лишь «правдоподобным» (*Тимей* 29c), и Аристотелем, который подлинным считал лишь доказательное знание (см., например, *Вторая Аналитика* 71b20–23). Вероятно, неоплатоник стремился смягчить противоречие, однако основной смысл его сообщения сводится к тому, что Теофраст, по-видимому, специально подчеркивал ограниченность человеческих когнитивных способностей.

Согласно Аристотелю, если (1) у природных вещей есть начала; и (2) вещи, у которых имеются начала, известны лишь через знание их начал; то (3) природные вещи известны через знание их начал. Однако, как замечает Теофраст, Аристотель по каким-то причинам решил, что большая предпосылка

³ Основано на переводе Д. Гутаса с арабского на английский язык.

самоочевидна. Между тем, это не вполне так. В частности, некоторая вещь сама может быть элементом или причиной, поэтому понятно, что аргумент Аристотеля относится лишь к реально существующим вещам, которые, и в этом состоит основная идея Теофраста, не могут быть простыми. Тогда большая предпосылка Аристотелева аргумента доказывается так: если (1) природные вещи сложные и (2) у всех сложных вещей есть начала, то (3) у природных вещей есть начала.

Но первая предпосылка этого силлогизма также нуждается в доказательстве, поэтому, по свидетельству Симпликия и, подробнее, Филопона, Теофраст специально объясняет, почему реально существующие вещи обязательно должны быть сложными, будучи составлены из материи и формы. Следует заметить (Sharples, Gutas 1998, 43–44 и de Haas 1998, 180 sq.), что сравнительно пространное пояснение Филопона не может принадлежать Теофрасту хотя бы потому, что у него нигде более форма тела не определяется как трехмерная протяженность. Кроме того, насколько нам известно, он не говорит в других случаях о роде и отличительных признаках (*genus* и *differentia*). Правда, как отмечают исследователи, Теофраст вполне мог рассуждать в духе *Метафизики* Z 3 (1029a15 сл.) и H 6 (1045a14 сл.), где Аристотель проводит различие между умопостигаемой и чувственно-воспринимаемой материей, связывая первую с геометрическими свойствами тел, а также *Метафизики* Z 3 (особ. 1029a31 сл.), где он рассуждает в духе комментируемого места *Физики*.

В трактате *Об огне* 4 и 8 Теофраст специально отмечает, что так называемых простых тел в природе не встречается, и любой элемент, будь то земля, вода, воздух или огонь, постоянно подвержены взаимной трансформации (см. Coutant 1971, 4, 7–8 и Steinmetz 1964, 170). В наших фрагментах это положение также ключевое, ведь если бы это было не так, исходная посылка в его рассуждении была бы неверна. Поэтому, вероятно, неслучайно в фр. 143 (а также в позднем свидетельстве Шахрастани, фр. 145) Теофраст специально подчеркивает роль движения, без учета которого «невозможно говорить ни об одной вещи». В *Метафизике* (10a9 и 14–15) он считает движение фундаментальным свойством природы, в особенности для небес (о чем писал и Аристотель, см., например, *О небе* 292a25 сл.). Упоминаемая в цитате «центральная область» – это, безусловно, вещи подлунного мира, для которых как раз характерны «изменения и взаимные влияния».

Заключительное предложение фр. 143 о том, что построение научной теории должно основываться на эмпирическом опыте и либо базироваться на «явлениях как таковых», либо, «если окажется, что существуют другие начала, более важные (*χυριώτεραι*) и первостепенные (*πρότεραι*)», обратиться

к этим последним, хорошо коррелируют с его рассуждением в *Метафизике* (9b1–10):

Здесь также возникает затруднение, так как нелегко сказать, до какого [места] и [начиная] откуда надлежит искать причину, равным образом как среди чувственно воспринимаемых, так и умопостигаемых [вещей]: ведь движение в бесконечность чуждо им в обоих случаях и разрушает понимание. Оба они в некотором роде начала, одно для нас, а другое – само по себе (ἀπλῶς),⁴ или, возможно, одно – конец, а другое – некое начало для нас. До определенной [степени] мы способны изучать вещи через их причину, начиная каждый раз с чувственно воспринимаемого.⁵ Когда же доходим до крайних и первых сущностей, это становится невозможным, либо потому, что у них нет причины, либо в силу слабости нашего зрения, не способного разглядеть ярчайшие вещи (τὰ φωτεινότατα).⁶

2. МЕСТО

146

Simplicius, In Aristotelis Physica, Corollarium de loco (CAG t.9 p.604.5–11 Diels)

Следует знать, что и Теофраст в *Физике* высказывал следующие апории по поводу того, что Аристотель говорил о месте (τόπος): (1) что тело будет заключено в поверхности (ἐν ἐπιφανείᾳ); (2) что место будет находиться в движении; (3) что место найдется не для всех тел (οὐ πᾶν σῶμα ἐν τόπῳ), так как сфера неподвижных звезд (ἡ ἀπλανής) сама нигде не находится; (4) что если собрать вместе [все] сферы, то небо как целое не будет находиться в каком-либо месте (ὅλος ὁ οὐρανὸς οὐκ ἔσται ἐν τόπῳ); (5) что вещи, находящиеся в определенном месте и никуда не перемещающиеся (μετακινήθεντα),⁷ более не будут находиться в этом месте, если удалить все то, что их окружает (τὰ περιέχοντα).

147

Simplicius, In Aristotelis Physica, Corollarium de loco (CAG t.9 p.606.32–5 Diels)

Положение, согласно которому место неподвижно, добавили Теофраст и Евдем,⁸ считая его отдельной аксиомой, тогда как Аристотель присоединил его

⁴ Ср. Аристотель, *Аналитика Вторая* 71b33.

⁵ Аристотель, *Аналитика Вторая* 88a.

⁶ Аристотель, *Аналитика Вторая* 88a6–8 и *Метафизика* 993b7–11.

⁷ Или «...никак не меняющиеся...».

⁸ Евдем, фр. 79a Wehrli.

к определению, говоря, что «место – это первая неподвижная граница объемлющей (вещи)».⁹

148

Proclus ap. Simplicium, In Aristotelis Physica, Corollarium de loco (CAG t.9 p.612.1-7 Diels)

Если место – это тело, то оно неподвижно или подвижно. Если оно так или иначе подвижно, необходимо, чтобы оно само также двигалось в определенном месте (κατὰ τόπον); ведь показано, что все, что так или иначе движется, должно двигаться в определенном месте. Значит, место нуждается в (каком-то другом) месте. Но это невозможно, как считает Теофраст, а также Аристотель.¹⁰ Ведь последний сказал, что вместилище (ἀγγεῖον) – это подвижное место, а место – это неподвижное вместилище, считая место неподвижным по природе.¹¹

149

Simplicius, In Aristotelis Physica, Corollarium de loco (CAG t.9 p.639.13-22 Diels)

Очевидно, что и Теофраст в *Физике* придерживался того же представления о месте, формулируя свой довод так, как если бы это была апория: «Но может быть место – это вовсе не некая самостоятельная сущность (οὐκ ἔστι καθ' αὐτὸν οὐσία τις τόπος), и говорят о нем лишь как о порядке (τάξει) и расположении (θέσει) вещей в согласии с их природными свойствами (τὰς φύσεις) и способностями (δυνάμεις)? Аналогично в случае животных, растений и, в целом, других неоднородных (ἀνομοιομερῶν) сущностей, одушевленных или нет, по природе имеющих форму. Ведь и у них порядок (τάξις) и расположение (θέσις) частей рассматривается лишь по отношению ко всей сущности. Поэтому вещь, сохраняющую присущий ей порядок (τὴν οἰκείαν τάξιν), называют находящимся в своем пространстве (ἐν τῇ αὐτοῦ χώρᾳ), так как каждая часть тела

⁹ τὸ τοῦ περιέχοντος πέρας πρῶτον ἀκίνητον τοῦτ' ἔστιν ὁ τόπος (Аристотель, *Физика* 4.4 212a20–21).

¹⁰ Как, впрочем, и Евдем (фр. 78 Wehrli).

¹¹ Отсюда, по мысли Прокла, следует, что место должно быть обязательно неподвижным. Это правильно заметил Аристотель, который также понимал, что контейнер для переноски вещей в качестве места рассматриваться не может. Заметим, что сам Прокл считал место неподвижным и нематериальным, но при этом телесным, идентифицируя его со светом (Siorvanes 1996, 247–56). См. также Комментарий Прокла к *Государству* Платона (In Rep. vol. 2 p. 198.16–17 Kroll).

требует своего пространства (χώραν) и расположения (θέσιν), и стремится к ним».

Комментарий ко второму разделу

Теорию Аристотеля о месте как первой (ближайшей) неподвижной границе объемлющей вещи (*Физика* 4.5 212a3 сл.), критиковал уже Стратон.¹² Разумеется, не разделяли ее Эпикур и Зенон.¹³ Что же касается преемника Аристотеля и учителя Стратона Теофраста, то мы не можем сказать с уверенностью, как он отвечал на вопросы, которые сам по этому поводу сформулировал. Действительно, хотя интуитивно ясно, что говоря о теле, находящемся в каком-то месте, мы всегда определяем расположение этого тела по отношению к его окружению, все же непонятно, почему теория Аристотеля о месте как первой неподвижной границе вещи, объемлющей данное тело, исключает столь же интуитивно понятное представление о месте как трехмерной протяженности самой вещи, то есть ее объеме. Аристотель возражает, что эта теория допускает существование бесчисленного количества пересекающихся друг с другом мест, а также что так определенное место будет перемещаться (*Физика* 211b19–29 b 216b9–12). Ясно, что место (или пространство) как трехмерная протяженность не может считаться просто количеством, становясь чем-то существующим независимо от находящихся в нем тел (см. 209a4–7), что и отмечают позднеантичные комментаторы (например, Филопон, *In Phys.* 578.5 sq., см. Sedley 1987). Особенно проблематичным выглядит связь места и движения (например, случай корабля на реке, 212a14–20), хотя спасти теорию Аристотеля пытается даже современный автор (Morison 2002, 149 sq.). Очевидно, Аристотелю важно, чтобы у мира обязательно был некий центр, по отношению к которому могло бы определяться любое движение. Заметим, что если теперь допустить, что мир как целое (его «центр масс») движется в беспредельной пустоте, которая его окружает (см. Клеомед, *Учение о круговращении небесных тел* 1.1.39–43, Щетников 2017, 89), то это нисколько не повредит данной теории, хотя все перипатетики, даже Стратон, считали мир как целое неподвижным и замкнутым.

¹² Стратон, фр. 27a Sharples (Simpl. *In Phys.* 601.23–24) и др. См. Algra 2014, 38–42, Афонасин 2025.

¹³ См. Alessandrelli 2014, Tieleman 2014 и Konstan 2014. В целом, о развитии представлений о пространстве с античных времен см. Jammer 1993, а также специально в позднеантичной и средневековой философии: Grant 1981.

Первая сформулированная Теофрастом апория касается двухмерности пространства, что порождает вопрос о несоразмерности места, занимаемого вещью, и самой вещи. Если, как пишет Аристотель (*Физика* 211a2), место должно быть «не больше и не меньше» занимающего его тела, то как объем может оказаться соразмерным с поверхностью?

Вторая апория, вероятно, указывает на то обстоятельство, что неподвижных границ не бывает, так как даже внешняя сфера «неподвижных» звезд, с которой место связывал уже Евдем,¹⁴ также вращается. И хотя Аристотель предусмотрительно заметил, что центр мира и небеса представляют собой естественные точки отсчета для верха и низа, так как центр всегда остается неподвижным, а небо, будучи совершенной сферой, постоянно вращается как целое (*Физика* 212a21 сл.), ясно, что кого-то этот ответ мог не устроить, так как части этого целого заведомо перемещаются с места на место. Кроме того, само понятие места в таком случае обесценивается потому, что все тела в конечном итоге окажутся в одном и том же месте, а значит ни об одном теле нельзя будет сказать, что оно перемещается с места на место.

В третьей и четвертой апориях Теофраст спрашивает, где находится весь универсум, который, как считает Аристотель, шарообразен, конечен и замкнут на себя, а также, конкретно, где находится его внешняя сфера? Ответ Аристотеля, разумеется, состоит в том, что так как внешняя сфера, вращаясь как целое, не меняет места, то она не нуждается в каком-либо ином месте, чтобы туда переместиться. Граница этой внешней сферы и будет границей всего универсума. Весь мир нигде не находится, говорит Аристотель, ведь иначе придется постулировать еще одно место, которое его объемлет (212b15 сл.). Именно так рассуждает Прокл в фр. 148.

В пятой апории Теофраст предлагает мысленно удалить все тела, окружающие данное тело.¹⁵ Тогда оно окажется вне какого-либо места, нигде, что ставит под сомнение определение места как границы чего-бы то ни было. Более того, Теофраст специально подчеркивает, что тело изменит свое место (утратит его), само не перемещаясь (или не изменяясь), что приобретает смысл в контексте его определения места через взаимное расположение тел (фр. 149). Наконец, этот мысленный эксперимент может быть полезен для дискуссии о невозможности пустоты.

¹⁴ Фр. 80 Wehrli (также из Симпликия, *In Phys.* 595.5–8). Здесь Евдем предлагает определять места тел по отношению к небесным сферам, так как они не меняют положения, за исключением своих частей. Подробнее см. Algra 2014, 25–29.

¹⁵ Такая же мысль приходит в голову и Евдему (фр. 73, *Simpl. In Phys.* 523.22–28), который специально подчеркивает, что понятие места утрачивает смысл без находящихся в нем тел.

Определение места как «порядка (τάξις) и расположения (θέσει) вещей в согласии с их природными свойствами (τὰς φύσεις) и способностями (δυνάμεις)» позволяет избежать первой и второй апории, так как место уже должно вмещать в себя тело и, не будучи отдельной сущностью, может быть одномерным, двумерным или даже многомерным. Третья и четвертая апории также легко в данном случае разрешаются, так как мир как целое, о чем регулярно пишет Теофраст (*Μεταφυσικά* 8a5 и др.), представляет собой единый организм, а значит обладает искомым естественным порядком. Что же касается пятой апории, то это определение выглядит как прямой на нее ответ, ведь если удалить все вещи, окружающие данное тело, то оно не окажется нигде, так как с удалением вещей удалится также и само место. Именно поэтому, как пишет Теофраст, возможно место не следует считать определенной вещью, но рассматривать как некий термин, описывающий отношение данной вещи к ее окружению?

Фрагмент 149 Теофраста вызвал целую дискуссию в исследовательской литературе. Его определение места сравнивали с теорией пространства Лейбница,¹⁶ отмечали значимость этого определения в вопросе о каузальности места в перипатетической физике. Действительно, все тела, как сказано, сохраняют присущий им порядок (τὴν οἰκείαν τάξιν), что собственно и означает, что они пребывают «в своем пространстве (ἐν τῇ αὐτοῦ χώρᾳ)», потому, что «каждая часть тела требует своего пространства (χώραν) и положения (θέσιν), и стремится к ним» (кажется, слова τόπος и χώρα Теофраст считает си-

¹⁶ Ср. *Приложение к Письму Ремону* от июля 1714 г., в котором Лейбниц так формулирует свою позицию: «Пространство, не будучи субстанцией, не является и бытием. Это порядок, как и время, порядок существований, которые не бывают вместе» (пер. Г. М. Файбусовича 1982, 540). Ср. также *Четвертое письмо Лейбница Кларку* 41 (пер. В. И. Свидерского и Г. Крёбера 1982, с. 455): «Пространство... конечно... не зависит от того или иного расположения тел, тем не менее оно является таким порядком, который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают отношением расположения, подобно тому как время представляет собой тот же порядок в смысле последовательности их существования. Но если бы вообще не было созданных вещей, то пространство и время имелись бы лишь в идеях бога». Ср. также с. 456 и, особ. 478 сл. и далее *Пятое письмо Лейбница* 104, с. 495: «Я не говорю, что пространство – это порядок или положение, делающее возможным расположение тел... а утверждаю только, что оно есть порядок расположения, согласно которому места приведены в порядок, и что абстрактное пространство является порядком возможных расположений. Таким образом, оно представляет собой нечто идеальное...»

нонимами). Так, огонь стремится к периферии, а вода – к центру мира, вывихнутый сустав стремится занять отведенное ему природой место, а планеты – совершать свойственные им ретроградные движения. Согласно Сорабжи (Sorabji 1988, 139 и 1998, 210–211) Теофраст отверг теорию Аристотеля о естественном месте и его подход можно рассматривать как промежуточный шаг от Аристотеля к Стратону, Эпикуру и стоикам, так как он позволяет перейти от организующей роли места к организующей функции самих вещей. Однако, как пишет Альгра (Algra 1992, 149–152 и 1995, 239), не ясно, насколько каузативная роль места вообще существенна для этого определения, а Моррисон (Morrison 2010, 89) считает, что Теофраст всего лишь истолковывает теорию своего учителя, не пытаясь ее каким-либо образом изменить или улучшить. Наконец, всякая дискуссия по этому поводу неизбежно включает в себя обсуждение контекста, так как Симпликий цитирует этот отрывок для того, чтобы показать, что Теофраст предвосхитил сложную и оригинальную теорию места как положения в упорядоченном целом, развиваемую его учителем Дамаскием, согласно которой место играет «динамическую» роль, организуя вещи и обеспечивая их протяженность (подробнее см. Algra 1992, 157–162 и 2014, 35–36). Ясно, что интерпретатор перипатетической физики должен учитывать этот контекст, однако и не забывать, что Теофраст мог в действительности решать другие, неведомые Симпликию задачи. В частности, как отмечает Шарплес (Sharples, Gutas 1998, 56), если вышеупомянутая интерпретация Сорабжи верна, то можно усмотреть определенную иронию в том, что Симпликий цитирует Теофраста для того, чтобы подтвердить теорию Дамаския, у которого место играет выраженную каузативную роль.

Теофраст отказывает месту в самостоятельном существовании, Аристотель также не считает его чем-то самостоятельным, но все же субстанциональным в специальном смысле слова, как часть целого. Место для него – это всегда место какой-то вещи («вся река будет местом», 212a18, см. Algra 2014, 37). Как и его учитель, Теофраст рассуждает о естественных движениях тел, направленных в свойственные им по природе места. Не так важно, что в отдельных деталях их подходы могут отличаться. Например, мы не можем быть до конца уверены в том, что Теофраст признавал существование пятого элемента.¹⁷ Поэтому представляется вероятным, что Теофраст предложил свою теорию как дополнение к известной концепции своего учителя и поэтому, будучи отвергнутой эллинистическими философами вместе с теорией Аристотеля, она не получила дальнейшего развития и не была замечена никем, кроме Симпликия.

¹⁷ О чем подробнее см. Афонасин 2026.

3. ВРЕМЯ

150

Simplicius, In Aristotelis Physica 4.10 218a31-b9 (CAG t.9 p.700.16-19 Diels)

Непонятно, что такое время, ведь некоторые говорят, что это круговое движение небес,¹⁸ как по словам Евдема,¹⁹ Теофраста и Александра думал Платон.

151 A

Iamblichus ap. Simplicium, In Aristotelis Categorias 9 11b10 (CAG t.8 p.346.14-18 Kalbfleisch)

Стратон, называя время количественной характеристикой (τὸ πόσον) движения, считал его неотделимым от самого движения; Теофраст, называя его приводящим признаком (συμβεβηκός), и Аристотель, называя его числом (ἀριθμόν) [движения], представляли время как что-то отделимое (χωριστόν) [от движения]. Правда, называя время свойством (ἕξις) и состоянием (πάθος) движения (κινήσεως), последний также считал его неотделимым [от движения].

151 B

Simplicius, In Aristotelis Physica, Corollarium de tempore (CAG t.9 p.788.34-789.4 Diels)

Очевидно, что такие сторонники Аристотеля, как Теофраст и Евдем, думали о времени то же, что и Аристотель, и учили о нем так же. Но Стратон из Лампсака подверг критике определение времени, данное Аристотелем и его сторонниками; сам будучи учеником Теофраста, который почти во всем следовал Аристотелю, он все-таки пошел по новому пути. Числом движения время он не считал потому, что число – это дискретное количество (διωρισμένον

¹⁸ Платон, *Тимей* 39с. Аристотель отвергает это определение времени в *Физике* 4.10, 218a33 сл.

¹⁹ Евдем, фр. 82a Wehrli. По сообщению того же Симпликия (*In Phys.* 702.14–19 и 24–29 = фр. 82b Wehrli), Евдем отмечает, во-первых, что движения различных планет и звезд различаются, поэтому странно связывать время только, например, с солнцем, как бы выбирая одно из возможных «времен» и, во-вторых, если время сосуществует с упорядоченным миром, то непонятно, было ли оно до его создания, ведь естественно предположить, что даже и тогда было движение, пусть и неупорядоченное. Следует заметить, что свидетельство Симпликия в данном случае существенно зависит от Александра, поэтому не до конца ясно, что можно приписать непосредственно Евдему. Подробнее см. Verde 2022, 97–100.

πόσον), тогда как движение и время непрерывны (συνεχής), а непрерывное неисчислимо.

151 С

Albertus Magnus, *Physica* 4.3.4 (Op. omn. t.4.1 p.266.83-267.5 Hossfeld)

Именно поэтому такие выдающиеся философы, как Авиценна, Александр, Фемистий, Аверроэс, Теофраст и Порфирий отвечают, что время – это ни что иное, как претерпевание (passio) единственного подвижного тела, совершающего собственное движение; и это первый двигатель (primum mobile).²⁰ Его движение ощущается в каждом движении, как причина в ее следствии, и не необходимо, чтобы в этом ощущении наблюдалась связь следствия с причиной; ведь все, содержащееся в следствии, происходит из причины независимо от того, ясно оно различается или нет.

Комментарий к третьему разделу

Из сообщения Ямвлиха,²¹ по-видимому, следует, что Теофраст, называя время привходящим признаком движения, определенно считал его чем-то отличным от самого движения, тогда как Аристотель, по мнению нашего информанта, в этом сомневался. Причем оба они противопоставляются преемнику Теофраста Стратону из Лампсака, который как раз считал, что время невозможно отделить от движения.²² Вероятно, как отмечает Шарплес (Sharples, Gutas 1998, 63), Теофраст принимает положение Аристотеля (*Физика* 4.14, 223a21–29), согласно которому время не существует в отсутствие души, так как

²⁰ Ранее (4.3.3 р. 264.1 сл.) Альберт противопоставляет представление перипатетиков и неоплатоников о времени известной идее Галена и Августина, согласно которому время – это движение в индивидуальной душе. Время не закончится, даже если не останется душ, которые могли бы его исчислить, точно так же, его не следует связывать с движением небесных тел, так как его течение будет очевидно и людям, находящимся в пещере. См. также Александр Афродисийский, *О времени* 94.16 Théry, Sharples, Gutas 1998, 63–65.

²¹ Мнение Теофраста о природе времени помещено в контекст неоплатонической дискуссии о времени и вечности, однако вопрос, который интересует в этой связи ученика Аристотеля, отличается от того, который впоследствии волновал, скажем, Прокла (о чем подробнее см. Месяц 2026) или Дамаския (Golitsis 2023). В целом, см. также Sambursky 1982.

²² О чем подробнее см. Jaulin 2011, Verde 2021, 107–124 и Афонасин 2025.

без считающего исчислимо не может существовать. Именно поэтому, продолжает Стагирит, без души может существовать лишь некий «субстрат времени». Следует, однако, помнить, что отмеченная Ямвлихом проблема получила развитие лишь в позднейшей комментаторской традиции, начиная с Александра Афродисийского (см. прим. к фр. 150), поэтому маловероятно, что Теофраст сознательно противопоставляет себя Аристотелю. Скорее всего, он лишь уточняет его формулировку.²³

Движения элементов в подлунном мире не могут считаться мерилom времени не только потому, что они слишком хаотичные, но и потому, что рано или поздно затухают без воздействия со стороны вращающегося неба, регулярное круговое движение которого обеспечивается душой.²⁴ Поэтому Аристотель далее в *Физике* (223а30 сл.) специально подчеркивает, что время «кажется» движением небесной сферы потому, что именно это в высшей степени упорядоченное круговое движение представляется первичным. Все остальные виды движения, такие как качественное изменение, рост, уничтожение, даже прямолинейное движение недостаточно упорядочены и равномерны, поэтому не они определяют время, но сами измеряются временем. Таким образом, время, согласно Аристотелю, есть число непрерывного движения, взятого как таковое (223b1), а не какого-то конкретного движения, и в этом отношении в чем-то предвосхищает идею абсолютного времени механики Ньютона.²⁵

Не совсем понятно, что имел в виду Ямвлих, приписывая Аристотелю представление о времени, неотделимом от движения в качестве его «свойства (ἐξίς) и состояния (πάθος)». Действительно, здесь же (223a18) Аристотель спрашивает, не является ли время каким-либо состоянием или свойством движения, оставаясь при этом числом? Цель Ямвлиха – показать, что все перипатетики считали время непрерывным и связанным с движением, непосредственно или опосредованно. Тогда окажется, что Стратон специальным образом отвечает именно на этот вопрос Аристотеля, отмечая, что время, будучи количественной характеристикой движения, составляет самую его суть,

²³ В целом о времени у Аристотеля см. Coore 2005, Bostock 2006 и Sattler 2020, 351–356.

²⁴ Вспомним слова Теофраста: «Круговое движение – это своего рода жизнь вселенной» (*Метафизика* 10a17).

²⁵ «Абсолютное математическое время само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, и иначе называется длительностью» (Ньютон, *Математические начала натуральной философии*, пер. А. Н. Крылова 1989, 30).

и не может рассматриваться независимо от движения. В следующем фрагменте Симпликий формулирует возражение Стратона более точно: по его представлению время неисчислимо потому, что дискретный числовой ряд несоразмерен непрерывному течению времени.

Одно свидетельство Симпликия, по-видимому, показывает, что первые перипатетики расходились по этому вопросу. Именно, Евдор пишет: «Как и в движении, существует лишь атом (τῆς κινήσεως τὸ ἄτομόν ἐστὶ μόνον), так что прошлое ушло, будущее не наступило, а значит одна часть времени прошла, а другая еще нет, настоящее же – это всегда одно после другого» (*Simpl. In Phys.* 733.5–7). Во всех известных нам свидетельствах, Евдор настаивает на непрерывности времени, однако подобные высказывания об идентичных друг другу «атомах движения», которые следуют один за другим, нужны ему для того, чтобы пояснить исчислимость времени.²⁶ Словно отвечая Евдору, Стратон, по свидетельству Секста Эмпирика (*Sextus Emp., Adv. Math.* 10.155 = *Strato fr.* 36 Sharples) прямо говорит, что, в отличие от пространства и находящихся в нем вещей, которые делимы до бесконечности, время неделимо и протекает все сразу, а не одно после другого. За неделимое время тело перемещается на делимое расстояние. Движение также делимо (о чем см. ниже фр. 186B), и время становится единственной универсальной мерой как движения,

²⁶ Другой ученик Аристотеля Аристоксен в своем сочинении о ритме пишет о «первом», или «простом несоставном» времени – неделимом с точки зрения ритмики минимальном интервале, «в который невозможно поместить две ноты, два слога или два жеста», также полагая, что только их можно исчислить. Далее он прямо говорит, что стопа потому составная, что один момент (ἐν σημείον) не делится во времени, поэтому она должна включать в себя по крайней мере два момента (*Элементы ритмики* 12, 15 и 18, Афонасин 2015, 137). Теофрасту также принадлежало сочинение о ритмах, но мы ничего не знаем о его содержании (фр. 264 Barker). Однако Порфирий приводит большую цитату из его сочинения *О музыке*, о чем подробнее см. далее. В античности «измерительным прибором» был сам человек, поэтому любые рассуждения о «сколь угодно малом интервале» эффективно означали меньше, чем тот, который можно уловить на слух или увидеть. Что касается исчислимости, то настоящими числами, как известно, также считался лишь натуральный ряд, тогда как все рациональные дроби рассматривались как элементы отношений. Поэтому, когда перипатетик говорит о минимальных интервалах времени, он с практической точки зрения имеет в виду неделимые части времени, даже если «теоретически» оно делится до бесконечности.

так и покоя (Simpl. In Phys. 789.15 = Strato fr. 31 Sharples),²⁷ собственно, как сказано в нашем фрагменте 151A, его количественной характеристикой (τὸ πῶσον).

Сразу после нашего фр. 151B Симпликий продолжает обсуждать теорию Стратона (*In Phys.* 788.36 sq. = Strato fr. 31 Sharples), еще раз подчеркивая неизмеримость времени: если бы время было числом, то моменты «до» и «после» также были бы измеримы, а значит время было бы мерой самого времени. Точно так же, время порождает и уничтожает, однако само не возникает и не гибнет. Время течет равномерно, поэтому нам следует говорить, что его больше или меньше, но никогда, что оно течет быстрее или медленнее (ср. *Физика* 218b13 сл.). Наконец, месяцы и годы – это не время и не части времени. Итак, время – это не то, что измеряет количество, напротив, оно само является количеством, «в котором» происходят различные процессы (такие как дни и ночи, пользуясь примером самого Стратона).

В сочинении *О музыке* (фр. 716 = Порфирий, *Комментарий к Гармонике Птолемея*, 61.16–65.15) Теофраст отмечает, что восприятие звуков ни в коем случае не сводится к «исчислению» душой музыкальных интервалов. Звуки не обладают лишь количественными характеристиками, ключевое значение имеют также «душевные движения», которые, как он пишет, «некоторые решились возвести к числам», однако «они не поняли, что если различие в высоте звуков – это количество», то и воспринимается оно «как различие в количестве (παρὰ τὸ ποσότητι διάφορον)». Причем, термину количество (ποσότης) Теофраст противопоставляет не качество (ποιότης), как можно было бы ожидать, а своеобразие (ἰδιότης), и до него такое противопоставление не встречается (Barker 2007, 441, n. 10). Говорится следующее:

Однако если ноты различаются между собой как высокие и низкие, нам больше не нужно количество, так как присущих им от природы внутренних различий будет достаточно для создания мелодии, и знание различий станет возможным. И различия теперь будут определяться не количествами, но свойствами самого звука.

Подобным же образом Теофраст далее рассуждает о цветах. В данном случае детали не важны (подробнее см. Афонасин 2015, 151–162), однако ясно, что если соотнести сказанное с классификацией теорий времени, предложенной Симпликием в фр. 151A–B, то сосредоточившийся на феноменологическом

²⁷ «Находится во времени означает им измеряться, так как время – это мера движения и покоя» (*Физика* 221b23). Аристотель, как видим, с этим согласен, однако дело в деталях.

восприятию музыки Теофраст окажется ближе к Стратону, нежели Евдору, считая временные интервалы пусть и делимыми от самого движения, однако не исчислимыми.

4. ДВИЖЕНИЕ

152

Iamblichus ap. Simplicium, In Aristotelis Categorias 9 11b1-8 (CAG t.8 p.304.32-305.4 Kalbfleisch)

В этом следует довериться Теофрасту. Ведь он полагает, что движение (κίνησις) отличается от действия (ἐνέργεια) в том смысле, что [всякое] движение охватывается [понятием] *действие*, тогда как [всякое] действие [понятием] *движение* нет. Действительно, сущность и собственная форма (εἶδος) каждой вещи является ее осуществленной действительностью²⁸ (ἐνέργειαν), а это не то же самое, что движение. Значит, ничто не мешает завершенности (τελειότης) присутствовать как в умопостигаемых вещах, так и в тех, что неподвижны по своей природе. Немало подобных вещей и среди чувственно воспринимаемых, как, например, очертание (σχήμα) статуи; ведь очертание находится в покое по отношению к состоянию завершенности.

153 A

Simplicius, In Aristotelis Categorias 14 15b1-16 (CAG t.8 p.435.17-31 Kalbfleisch)

Как случилось, что в третьей книге *Физики* Аристотель сам ясно говорит, что «видов движений и изменений столько, сколько [родов] сущего»,²⁹ а в пятой книге того же сочинения³⁰ и в данном месте³¹ насчитывает не десять видов движений, а лишь четыре? Но так как в пятой книге своих лекций по физике он стремится объяснить причину, по которой сам говорит, что остальным родам не соответствует никакого движения и изменения, я также попытался кое-что сказать по поводу этих объяснений в моем комментарии на указанное сочинение и, чтобы никто не счел меня чрезмерно нахальным, «выкрикивающим», – по слову Пиндара, – «пустые слова в адрес священной птицы

²⁸ Хотя в тексте по-прежнему стоит «действием» (ἐνέργειαν), в данном случае это слово лучше перевести «осуществленной действительностью».

²⁹ *Физика* 3.1. 201a8–9.

³⁰ *Физика* 5.1 224b35–5.2 226b10.

³¹ *Категории* 14 15b1-16.

Зевса»,³² решил продемонстрировать, что и лучший его ученик Теофраст подает голос за мое предложение. Ведь в первой книге своей *Физики* он говорит следующее: «Несложно сформировать и высказать общее и универсальное понятие о движении, так как оно представляет собой некое незаконченное действие того, что возможно и как таковое (т. е. как возможное), и в каждом из родов категорий,³³ что легко усмотреть и в отношении чувственно воспринимаемых вещей».³⁴

153 В

Simplicius, In Aristotelis Physica 3.1 201a3-9 (CAG t.9 p.412.31-413.9 Diels)

Знаю, что высказывать позицию, противоположную Аристотелевой, еще, по видимому, рано, однако прежде чем мы установим точные причины, по которым он именно так все организовал, вполне удовлетворимся наставлениями Евдема касательно категории времени («когда»)³⁵ и, тем более, Теофраста, явно усматривающего движение и изменение во всех категориях. Ведь во второй книге трактата *О движении* он говорит следующее: «В более подходящем смысле, – как мы говорим об этом и как оно есть на самом деле, – это действие движимого в возможности как движимого (ἐνέργειαν τοῦ δυνάμει κινητοῦ ἢ κινητὸν), в каждом из родов категорий, таких как сущность, качество, количество и перемещение. Именно таковы изменение, рост, перемещение, возникновение и им противоположное». В третьей книге он, как мне кажется, высказался еще яснее: «В нашем определении движения мы считаем, что сколько его видов, столько же и категорий; ведь, собственно, осуществление (ἐντελέχεια) того, что возможно, мы и называем движением». И далее в той же книге он говорит: «Нет движения в том, что находится в отношении согласно пропорции,³⁶ но есть [в том, что находится в отношении]

³² *Олимпийские оды* 2.87.

³³ Буквально: καθ' ἕκαστον γένος τῶν κατηγοριῶν. Может быть, проще, «в каждой из категорий».

³⁴ См. Аристотель, *Физика* 3.2 201b25–35. Движение кажется неопределенным потому, что его «невозможно отнести ни к возможности сущего, ни к его действию» (например, в отношении категории *количества*), что не мешает ему оставаться незавершенным действием. Иными словами, «возможное, действием чего является движение, не завершено».

³⁵ Отсылка к цитате из Евдема, которую Симпликий приводит незадолго до этого (*In Phys.* 411.10 sq. = Eudemus fr. 59 Wehrli). Подробнее см. комментарий к фрагментам.

³⁶ Переход из возможного состояния в действительное является изменением, тогда как взаимные пропорции – это относительные характеристики, не отражающие

согласно возможности; ведь [его] действие есть движение, причем в собственном смысле».

153 С

Simplicius, In Aristotelis Physica 5.2 226a23-6 (CAG t.10 p.860.19-28 et 861.19-26 Diels)

Теофраст в первой книге своей *Физики* говорит, что движение можно усмотреть в каждой из категорий,³⁷ и пишет об этом следующее: «Несложно сформировать и высказать общее и универсальное понятие о движении, так как оно представляет собой некое незаконченное действие того, что возможно, и как таковое (т. е. как возможное),³⁸ и в каждой из родов категорий³⁹». Похоже, что теперь он говорит о движении как об изменении вообще. Ведь определение, согласно которому оно есть осуществление (ἐντελέχεια) возможного как такового, является определением не только собственно движения, но также возникновения, гибели и других изменений. Поэтому далее Теофраст говорит, что «нам следует в связи с движениями исследовать, не являются ли некоторые из них возникновениями, а другие – своего рода действиями». <...>⁴⁰ И я думаю, что Аристотель это верно подметил, так как, если о вещах, передвигающиеся частично, не следует по его мнению говорить, что они движутся сами по себе, и поэтому их нужно помещать среди вещей, передвигающихся случайно (συμβεβηχός), то тем более, по его словам, не передвигаются сами по себе вещи, которые меняют свое положение по отношению к другим вещам, когда эти последние перемещаются. Однако исследование касалось вещей, которые движутся сами по себе, так что даже если Теофраст говорил о движении во всех категориях, он рассуждал об этом без должного разделения, не отличая движение от изменения, и движение само по себе от движения случайным образом.

сущности вещи, ведь больше или меньше та или иная вещь считается не сама по себе, но по отношению к другой, а значит она может стать относительно больше или меньше, не претерпевая при этом никаких изменений.

³⁷ Или «в каждой из категорий».

³⁸ ...ἐνέργειά τις ἐστὶν ἀτελής τοῦ δυνάμει ὄντος ἢ τοιοῦτον...

³⁹ Или «в каждой из категорий».

⁴⁰ В пропущенном месте Симпликий рассуждает о том, что изменение в случае категории отношения никогда не носит сущностный характер, так как оно всегда то или иное относительное перемещение, а затем возвращается к Теофрасту.

154

Thomas Aquinas, In Aristotelis Physica, 5.6 lectio 10 (747, p.367b18-26 Maggioli)

Когда он (Аристотель) говорит: «Кто-то может усомниться...» и т. д.,⁴¹ то делает он это для того, чтобы прояснить сказанное ранее, однако в греческих копиях, как говорят, ничего этого нет; поэтому Комментатор (Аверроэс) говорит, что нет этого и в некоторых арабских копиях. Представляется наиболее вероятным, что все это происходит из замечаний Теофраста или какого-нибудь другого интерпретатора Аристотеля.⁴²

155 A

Themistius, In Aristotelis Physica 6.4 234b10-17 (CAG t.5.2 p.191.22-192.2 Schenkl)

Следует рассмотреть, делимо ли все, что подвержено изменениям, или же оно может не иметь частей, как, например, когда математики говорят о точке, которая, перемещаясь, порождает линию своим перемещением (φορᾶ)? Если для претерпевающего изменение необходимо не находится [в том состоянии], в которое оно переходит изменяясь, ведь иначе оно было бы уже изменившимся, и не находится [в том состоянии], из которого оно начинает свое изменение, ведь иначе оно бы не менялось вовсе, то ясно из оставшегося, что оно отчасти находится в этом [состоянии], а отчасти в ином. Ведь и в том и в другом оно находится не может, равно как и ни в одном из них. Следовательно, оно делимо. В случае перемены места, это непосредственно объясняется на конкретных примерах, еще более знакомым это выглядит в случаях изменения и роста. Но [как обстоят дела] в случае внезапного изменения: как одна и та же вещь вынуждена быть то белой, то черной? Теофраст формулирует эту апорию в явном виде в первой книге трактата *О природе*, доставив тем самым беспокойство толкователям.

⁴¹ Полный текст: «Поэтому кто-то может усомниться в связи с покоем, существует ли состояние покоя, противоположное неестественным движениям?» (*Физика* 231a2–5).

⁴² В комментарии к этому фрагменту Д. Гутас (Sharples, Gutas 1998, 75–76) отмечает, что Фома пользуется Большим комментарием Аверроэса к *Физике*, текст которого дошел до нас в средневековых переводах, но в соответствующем месте имя Теофраста не упоминается.

155 В

Themistius, In Aristotelis Physica 6.6 237a17-b9 (CAG t.5.2 p.197.4-8 Schenkl)

Александр думает, что всякое изменение происходит во времени,⁴³ Теофраст же в этом, похоже, сомневается, не будучи уверенным в случае перехода от тьмы к свету, когда, например, лампу вносят в комнату, и все помещение сразу (ἄθρόως) освещается и моментально (ἄνευ χρόνου) наполняется светом.

155 С

Simplicius, In Aristotelis Physica 1.3 186a13-16 (CAG t.9 p.107.12-16 Diels)

Очевидно, что Теофраст в первой книге трактата *О движении* придерживается того же мнения. Говорит он так: «Положение, согласно которому движимое должно находиться в движении, а завершившее движение быть передвинутым, может быть распространено и на тела, подверженные изменению, так как половина не всегда предшествует целому, но иногда [изменение происходит] сразу».

156 А

Themistius, In Aristotelis Physica 6.5 236b7-27 (CAG t.5.2 p.195.8-26 Schenkl)

Удивительно, если у движения нет начала, но есть конец (так говорит Теофраст, но мы придерживаемся по этому поводу другого мнения); и в целом, если они ограничены не с двух сторон, когда есть конец у прогулки, но нет начала, есть конец у морского путешествия, но нет начала, или если мы можем сказать, когда остановилась лошадь, но не знаем, когда она начала свой

⁴³ Если двигаться может лишь то, что имеет части (см. фр. 155А), то простые и неделимые сущности, такие как душа, двигаться не могут. Р. Шарплес (Sharples, Gutas 1998, 82) подробно комментирует позицию Александра по этому поводу. Именно, в утраченном комментарии Александра к *Физике*, фрагментарно сохранившемся в схолиях (Rashed 1997), и в одном месте Комментария Симпликия (*In Phys.* 964.14 sq.) Александр отмечает, что если предположить, вместе с платониками, что у души есть телесная колесница (ὄχημα), то это, возможно, решит проблему движения души (она перестанет быть неделимой), но зато породит другую, так как в одном месте окажется одновременно два тела. Напротив, если считать, вместе с Аристотелем, что возможно моментальное изменение, то лишенной частей душе уже ничто не мешает покидать тело, передвигаясь «внезапно», как свет в темной комнате. Правда, сам Александр, как известно, склонялся к мысли о том, что душа не может покинуть тело и, следовательно, не бессмертна, поэтому его, должно быть, вполне устраивала идея о том, что все природные процессы протекают во времени.

бег. Но разве не говорил Аристотель по этому поводу, что не у самого движения нет начала, но что его невозможно уловить (λαβεῖν)? Но если это так, то как же тогда конец движения ему представляется неделимым и поэтому, как он говорит, уловимым (ληπτόν), хотя начало не неделимо и неуловимо? Ведь начала подобны концам. <Если> точка – это конец линии, и точка же – ее начало, и очевидным кажется положение (ἄξιωμα), согласно которому начало – это не то, началом чего оно является, тогда начало движения само не будет движением. Но если это не движение, то оно не делимо и не во времени, как и конец пребывая в настоящем (ἐν τῷ νῦν). Возможно, он признает, что начало движения уловимо, как и его конец, хотя первый момент движения неуловим, и это сказано верно. Ведь он во времени, а время способно делиться беспрельдно. Ясно так же, что в силу того же довода, последний момент в движении также неуловим, хотя его конец и уловим, и неделим.

156 В

Simplicius, In Aristotelis Physica 6.5 236a7-27 (CAG t.10 p.986.3-17 Diels)

Здесь, по-видимому, возникает апория: как можно рассуждать о конце движения и [конце] временного интервала, когда изменяющаяся вещь считается претерпевшей изменение, но не о начале [этого движения]? Ведь и Теофраст в первой книге своего трактата *О движении* говорит так: «[Факты], касающиеся движения, удивительны по своей природе, например, если у него нет начала, а конец есть». Как же он (Аристотель) конец брал (ἐλάμβανεν) неделимым, а начало беспрельдно делимым? Ведь, опираясь на те же самые рассуждения, конец непрерывного [движения] можно брать (λαβεῖν) беспрельдно делимым, а начало – неделимым. Ясно же, что начало и конец движения, времени и всего непрерывного двойственны – и как первая или последняя части непрерывного, и как начало и конец, уже не являющиеся частями целого и им не подобные. Ведь в таком случае считается с очевидностью установленным (ἡξιῶται), что начало – это не то же самое, что и то, началом чего оно является, и конец – это не то, концом чего оно является, как точка – это начало и конец линии и, аналогично, момент (τὸ νῦν) – [это начало и конец] времени, а скачек (τὸ κίνημα)⁴⁴ – [начало и конец] движения. Так они рассуждают о конце движения.

⁴⁴ Аристотель употребляет этот термин лишь дважды (*Физика* 232a8 и 241a4), так обозначая завершенное движение, как бы движение без протяженности.

Simplicius, In Aristotelis Physica 6, prooemium (CAG t.10 p.923.7-16 Diels)

Ранее уже сказано, что пять книг, предшествующие этой, они называют *Физикой*, однако следующие за ними три книги называются *О движении*. Именно так располагает их Андроник в третьем томе своего собрания сочинений Аристотеля.⁴⁵ Но и Теофраст свидетельствует об этих первых [пяти книгах], ведь, когда Евдем написал ему по поводу [места] из пятой книги, испорченного в одном из списков, он так ему ответил: «Что же касается твоей просьбы скопировать это место из *Физики* и послать тебе, то либо я не вполне тебя понял, либо мой вариант мало отличается от "...лишь одно из неподвижных тел я называю покоящимся, ведь покой противоположен движению, а значит лишенностью для способного [двигаться]"». ⁴⁶ Так что пятую книгу Теофраст также считает частью *Физики*.

Комментарий к четвертому разделу

Аристотель определял время как длительность, но также стремился решить вопрос о его измеримости, и лучшей мерой времени были, конечно же, небесные тела, совершающие упорядоченные движения. По-видимому, его непосредственные ученики и последователи сосредотачивались то на одной, то на дру-

⁴⁵ ἐν τῇ τρίτῃ τῶν Ἀριστοτέλους βιβλίων. Возможно, «в третьей [книге] трактата *Книги Аристотеля*» (Sharples, Gutas 1998, 84). Фрагмент касается давнего спора о расположении книг в Аристотелевой *Физике*: являются ли три последние книги трактата в том виде, как он нам сейчас известен, книгами *О движении*, или же таковыми следует считать книги пятую, шестую и восьмую, как считал, например, Порфирий (Simpl. In Phys. 802.7–13), и в таком случае седьмая будет позднейшим добавлением. В нашем случае примечательно, что Теофраст или его последующие издатели также делили его физические книги на собственно *Физику* и книги *О движении*.

⁴⁶ Аристотель, *Физика* 5.2, 226a14–16; Евдем, фр. 6 Wehrli. Это свидетельство, если оно, конечно, не позднейшая подделка, как это часто бывает с античными письмами, показывает, что, возможно, трактаты Аристотеля не пылились полторы сотни лет в неизвестном подвале в Скепсисе (Страбон, *География* 13.608, Плутарх, *Сулла* 26), но активно использовались перипатетиками в эллинистический период. Подробнее об этом см. Barnes 1997.

гой стороне проблемы. Изучение понятий места и времени неизбежно приводит к вопросу о движении и, в целом, изменении, которое, в отличие от времени может протекать быстрее или медленнее (*Физика* 218b13–18).

В третьей книге *Физики* (1.3 201a8–9) Аристотель пишет, что видов движений и изменений столько же, сколько родов сущего (ὥστε κινήσεως καὶ μεταβολῆς ἔστιν εἶδη τοσαῦτα ὅσα τοῦ ὄντος). Но так как категорий десять, то возникает вопрос, можно ли распространить это общее утверждение на весь их список, включающий, кроме эксплицитно упомянутых Аристотелем движений и изменений в отношении сущности, количества, качества или места (κατ' οὐσίαν ἢ κατὰ ποσὸν ἢ κατὰ ποιὸν ἢ κατὰ τόπον, 200b34), также время, обладание, действие, претерпевание, нахождение в определенном положении или по отношению к чему-либо?

Именно так рассуждает Симпликий (фр. 153C), утверждая, что даже категория отношения предполагает изменение, пусть и не по сути, а случайным образом (per accidens, а не per se, пользуясь схоластической терминологией). В общем-то в указанном месте Аристотель также пишет, что хотя «движения помимо вещей» не существует и такое движение, во-первых, непрерывно (поэтому часто «приходится пользоваться понятием бесконечного») и, во-вторых, «невозможно в отсутствие места, пустоты и времени», все же другие изменения (например, в смысле избытка и недостатка или действия и претерпевания) могут рассматриваться и в случае категории отношения (200b29–31). По сообщению Симпликия, Евдем (наш фр. 153A и *In Phys.* 411.10 sq. = Eudemus fr. 59 Wehrli) усматривал изменения даже в категории времени, хотя очевидно, что время есть мера движения и изменения, а не наоборот. Разве само время может течь быстрее или медленное? По словам неоплатоника, Евдем во второй книге своей *Физики* отвечает на это возражение, замечая, что речь не идет об актуальном течении времени, но о способности вещей меняться со временем, то есть об их изменении во времени в соответствии с этой способностью. Правда, мы не можем быть уверены в том, что сам Евдем придерживался в этом отношении той же позиции, что и Симпликий (Sharples, Gutas 1998, 70 n. 181).

В пятой книге *Физики*, в отрывке, комментируемом в фр. 153C (5.1 224b35 sq.), Аристотель также пишет о четырех видах изменения – пространственном перемещении, качественном изменении, росте или уменьшении в количественном отношении, а также возникновении или гибели, то есть субстанциональном изменении. В комментируемом в фр. 153A месте из четырнадцатой главы *Категорий* (15b1–16), в аутентичности которой сомневались уже в античности, сказано примерно то же самое, правда везде говорится о движениях, а не о движениях и изменениях. В самом начале главы ее автор

пишет о шести видах движений – возникновении и уничтожении, увеличении и уменьшении, превращении и перемещении, однако ясно, что они сводятся к этим четырем. Кроме того, в начале пятой книги *Физики* (5.1 225b5 sq.) Аристотель говорит, что видов движения в собственном смысле всего три, причем для категории сущности движения нет потому, что ей ничто не противоположно, а для категории отношения (πρός τι) потому, что при изменении одного члена отношения другой может и не меняться, так что движение другого будет носить случайный характер (κατά συμβεβηχός, per accidens).

Не вполне понятно, что Симпликий приписывает самому Теофрасту, ведь в цитируемом в фр. 153А и затем в начале 153В отрывке он дает определение движения как незаконченного действия, связывает движения с категориями, но ничего не говорит об их количестве. Точно так же, в первом из цитируемых в 153В отрывков Теофраст специально перечисляет те же четыре категории, что и Аристотель, правда, называя все их движениями. В их число входит и сущностное изменение («возникновение и уничтожение»). Именно это и отмечает Симпликий в фр. 153С, упрекая Теофраста в том, что тот всегда говорит о движении вообще, недостаточно отличая его от перемещения в собственном смысле слова. Однако, во всех случаях очевидно, что сам Теофраст говорит лишь о четырех категориях и четырех видах движения.

Третий отрывок из Теофраста в фр. 153В ставит вопрос об относительном движении. О нем пишет Аристотель (*Физика* 225b10), Евдем, цитируемый Симпликием незадолго до нашего фр. 153С (Eudemus fr. 93a Wehrli) и сам Симпликий. Все они, включая Теофраста, согласны, что движение в данном случае носит случайный характер. Особенно хорошо это иллюстрирует третья цитата из Теофраста в фр. 153В, смысл которой лучше всего раскрывается в сопоставлении с местом из *Метафизики* (Δ 15 1021a14 сл.). Предположим, говорит Аристотель, что человек ростом вдвое больше какого-нибудь предмета или другого человека. Будет ли возникшее в результате числовое соотношение (κατ' ἀριθμὸν, 1020b33) действительным или случайным? Конечно, верно второе, ведь числовые отношения сами по себе не действуют и не порождают настоящего движения. Однако, замечает Теофраст, числовые отношения (в его терминологии, отношения «согласно пропорции» κατά λόγον) как раз и следует отличать от того, что находится в отношении «согласно возможности» (κατά δύναμιν), ведь в этом случае мы можем говорить об осуществлении возможного, и его «действие» – это уже движение в собственном смысле слова (ἡ γὰρ ἐνέργεια κίνησις τε καὶ καθ' αὐτό).

Из фр. 152 мы узнаем, что Теофраст терминологически отличает движение от действия, так как всякое движение является действием, но не всякое действие – движением, причем не только среди умопостигаемых вещей, но и в

чувственно воспринимаемом мире. В то же время в своей *Метафизике* (10a10–15) он пишет, что

Если действие (ἐνέργεια) – это сущность каждой вещи, и каждая из них по отдельности если действует, то и движется (как в случае животных и растений; в противном случае, от них остается одно название [ὀμώνυμα]), тогда очевидно, что и в круговом движении (ἐν τῇ περιφορᾷ) проявляется сущность небес, а если это движение удалить, оставив лишь покой, то и от них останется одно лишь название. Ведь круговое движение – это своего рода жизнь вселенной.

Значит, хотя всякое действие и не охватывается понятием движения, тем не менее движение неразрывно с ним связано. Мы видим также, что за терминологическими различиями скрывается и реальная физическая проблема. Теофраст вновь стремится отличить действительное движение вещей (в данном случае, небесных тел) от кажущегося. Если бы сами по себе эти вещи находились в покое, то любое их перемещение по отношению к другим вещам носило бы случайный характер и никак не влияло на их «жизнь». Напротив, собственные движения свойственны им по природе. Именно в них раскрывается сущность каждой вещи, через них они осуществляются.⁴⁷

⁴⁷ Категория отношения в связи с движением волнует перипатетика не без причины. Ведь говоря, что морское путешествие займет два дня, мы понимаем, что описываемое движение представляло собой перемещение корабля с определенной средней скоростью, которую можно вычислить, зная расстояние между начальным пунктом и конечным. Для того, чтобы это сделать, нам нужно расстояние поделить на время и получить скорость – определенное количество миль в час, пусть и приблизительно. Задачи по определению движения небесных тел, в силу большей регулярности таких движений, успешно решались астрономами по крайней мере с эллинистического периода. Но никто из них не рассуждал в терминах линейной или угловой скорости. Почему? Проблема в том, что из теоретических соображений и философы, и математики пользовались лишь простыми единицами измерения – расстояниями, временными интервалами, весом, но не расстоянием по отношению к временному промежутку (то есть скоростью). Более того, даже три пространственных измерения Аристотель считает несоизмеримыми: «Широкое и узкое относится к другому роду, нежели высокое и низкое», и отношение между ними не может быть выражено числом (*Метафизика* 992a14–15). Значит, измеряя объем куба, мы не можем перемножить длины его сторон, но должны заполнить измеряемый куб определенным количеством эталонных кубиков. Ясно, что именно теоретические соображения стали основной причиной, почему аристотелевская теория движения не заговорила на языке математики.

В приведенном ранее месте из *Физики* Аристотель специально отмечает, что движение протекает непрерывно, а поэтому «приходится часто пользоваться понятием бесконечного» (200b17 сл.). В то же время, всякое изменение, будучи процессом перехода из одного состояния в другое, должно разделяться на части (234b10). Однако обладают ли части процесса изменения физической природой? Например, когда вода «внезапно» превращается в лед (*Физика* 253b23, *Об ощущениях* 447a2)? Или же в действительности мы наблюдаем быстро протекающий непрерывный физический процесс, как на этом настаивали элеаты (*Физика* 186a15 сл.)? Правда, Аристотель сам признает, что большой объем воды не замерзает сразу (*Об ощущениях* 447a4–6) (Sharples, Gutas 1998, 77 со ссылкой на Wardy 1990, 330 n. 41). Постепенно, как сказано там же (446b13–15), распространяется и запах.

Вероятно, поэтому в качестве примера действительно моментального изменения Теофраст, по свидетельству Фемистия (фр. 155A–C), приводит переход от тьмы к свету. Видно, что он разделяет точку зрения Аристотеля, согласно которой свет не является субстанцией, но лишь «приводит в движение действительно прозрачное» (κινητικόν ἐστὶ τοῦ κατ' ἐνέργειαν διαφανοῦς, *О душе* 2.7 418b1 сл.), проявляя цвет, свойственный самой вещи. Он не подобен огню, не является частицей или истечением, и поэтому переход от тьмы к свету происходит моментально, в отличие от распространения запахов, звуков или льда по поверхности водоема.⁴⁸

В шестой книге *Физики* (6.5 236a7 сл.) Аристотель рассматривает проблемы, связанные не только с непрерывностью движения, но и его направленностью, которая является следствием необратимости времени. Мы можем, говорит он, указать конец процесса («то первое, в чем завершилось изменение», τὸ μὲν ἐν ᾧ πρῶτῳ ἐπετέλεσθη ἢ μεταβολή). Это та неделимая граница, по достижении которой можно сказать, что начавшееся в прошлом изменение завершилось. Однако «первое в смысле начала изменения» не существует, так как невозможно определить первый момент времени, в который происходит изменение (οὐ γὰρ ἔστιν ἀρχὴ μεταβολῆς, οὐδ' ἐν πρῶτῳ τοῦ χρόνου μετέβαλλεν). Причина состоит в том, что неделимое не имеет частей, а не имеющее частей не может примыкать к не имеющему частей

⁴⁸ Как отмечают исследователи (Sharples, Gutas 1998, 79 n. 198), комментируя трактат Аристотеля *Об ощущениях* (*In Sens.* 133.24 и 134.11, см. также его собственные *De anima* 43.3 и *Mantissa* 143.4 sq.) Александр Афродисийский пишет, что распространение света вообще не является изменением и носит относительный характер, что также снимает проблему о скорости его распространения.

(τὸ μὴ εἶναι ἀμερὲς ἀμεροῦς ἐχόμενον), так как процесс деления продолжится беспредельно (ἄπειρος), как при увеличении и уменьшении линий (237b6–7).

Как показывает фр. 155 А и 156А, Фемистий стремится избавиться от такой асимметрии и предлагает обратить внимание на то, что любое начало – это также конец какого-нибудь процесса, который как раз в этот момент времени завершился. В свою очередь, Симпликий (фр. 156В) пишет, что начало и конец (не важно, геометрического отрезка, временного интервала или пространственного перемещения) всегда имеет двойственную природу и в этом смысле они совпадают. Фемистий специально подчеркивает психологический аспект процесса, говоря не только о неделимости начала, но и его «неуловимости» (λαβεῖν, ληπτόν), тогда как Симпликий упоминает об этом в другом месте своего комментария (*In Phys.* 986.30 sq.), здесь ограничиваясь лишь геометрическими соображениями. Однако примечательно его словопотребление. Он пишет, что Аристотель «брал» (ἐλάμβανεν) конец неделимым и далее, что его можно «брать» (λαβεῖν). Точно так же, Фемистий пишет, что положение, согласно которому начало не может быть тем, началом чего оно является, – это аксиома (ἄξιωμα), тогда как Симпликий то же самое положение называет с очевидностью установленным (ἡξιῶται). Это наталкивает на мысль, что оба автора пересказывают Теофраста близко к тексту, хотя и не во всем одинаково. Ясно, что он формулирует апорию, и его собственная позиция должно быть противоположна тому, что предлагает Фемистий, так как неоплатоник прямо об этом заявляет. В таком случае Теофраст, как и Аристотель, понимал необратимость времени и стремился сохранить эту асимметрию в своей теории движения, а значит Симпликий и Фемистий не уловили физической интуиции Аристотеля, зато ее понял Теофраст.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

- CAG: *Commentaria in Aristotelem Graeca*, Berlin: Reimer, 1882–1909.
 DK: Diels, H., Kranz, W., Hrsgs. (1952⁶) *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Zurich: Weidmann.
 FHSG: Fortenbaugh, W. W., Huby, P., Sharples, R. W., and Gutas, D., eds. (1992) *Theophrastus of Eresus. Sources for His Life, Writings, Thought and Influence. I. Life, Writings, Various Reports, Logic, Physics, Metaphysics, Theology, Mathematics*. Leiden: Brill.
 Sharples: Sharples, R., ed. (2011) “Strato of Lampsacus. The Sources, Texts and Translations,” in Desclos, M.-L. and Fortenbaugh, W.W., eds. *Strato of Lampsacus. Text, Translation, and Discussion*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 5–229.
 SVF: Arnim, Hans von, ed. (1903–1905) *Stoicorum Veterum Fragmenta*, vol. 1: Zeno et Zenonis discipuli; vol. 2: Chrysippi fragmenta. Logica et physica; vol. 3: Chrysippi

fragmenta moralia. Fragmenta successorum Chrysippi, Lipsiae; vol. 4: Indices, curavit M. Adler, Lipsiae 1924.

Wehrli: Wehrli, F., Hrsg. (1967-1978) *Die Schule des Aristoteles*, Bds. 1-10 and supplements 1-2, second edition, Basel: Schwabe, Bd. 8 (1969): Eudemus von Rhodos.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Афонасин, Е. В. (2016) «Теофраст. О первых началах», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.2, 710–732.
- Афонасин, Е. В. (2025) «Стратон и пустота. Перипатетическая физика эллинистического периода», *Платоновские исследования* 23.2, 110–132.
- Афонасин, Е. В. (2026) «Теофраст о движении небес», *Платоновские исследования* 24.1, 136–158.
- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С., Щетников, А. И. (2015) *ΜΟΘΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ: Очерки истории античной музыки*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА.
- Афонасин, Е. В., Афонасина, А. С., Щетников, А. И. (2017) *Античный космос. Очерки истории античной астрономии и космологии*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА.
- Крылов, А. Н., пер. (1989) Исаак Ньютон. *Математические начала натуральной философии*. Москва: Наука.
- Месяц, С. В. (2026) «Прокл о вечности и времени», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 20.1, 242–273.
- Свидерский, В. И., Крёбер, Г., пер. (1982) «Переписка Лейбница с Кларком», в Г.-В. Лейбниц. *Сочинения в 4-х томах*. Том. 1. Москва: Мысль, 430–528.
- Файбусович, Г. М., пер. (1982) «Переписка Лейбница с Николаем Ремондом», в Г.-В. Лейбниц. *Сочинения в 4-х томах*. Том. 1. Москва: Мысль, 529–570.
- Alessandrelli, M. (2014) “Aspects and Problems of Chrysippus’ Conception of Space,” in G. Ranocchia, Ch. Helmig, Ch. Horn, eds. *Space in Hellenistic Philosophy. Critical Studies in Ancient Physics*. Berlin: Walter De Gruyter, 53–68.
- Algra, K. (1992) “Place in Context: On Theophrastus fr. 21 and 22 Wimmer,” in W. W. Fortenbaugh and D. Gutas, eds. *Theophrastus: His Psychological, Doxographical and Scientific Writings*. New Brunswick / London, 141–165.
- Algra, K. (1995) *Concepts of Space in Greek Thought*. Leiden: Brill.
- Algra, K. (2014) “Aristotle’s Conception of Place and its Reception in the Hellenistic Period,” in G. Ranocchia, Ch. Helmig, Ch. Horn, eds. *Space in Hellenistic Philosophy. Critical Studies in Ancient Physics*. Berlin: Walter De Gruyter, 11–52.
- Barker, A. (2007) *The Science of Harmonics in Classical Greece*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Barnes, J. (1997) “Roman Aristotle,” in J. Barnes and M. Griffin, eds. *Philosophia Togata II: Plato and Aristotle at Rome*. Oxford: Clarendon Press, 1–69.
- Bostock, D. (2006) *Space, Time, Matter, and Form: Essays on Aristotle’s Physics*. Oxford.
- Coope, U. (2005) *Time in Aristotle*. Oxford: Oxford University Press.
- Coutant, V., ed. (1971) *Theophrastus, De inge. A Post-Aristotelian view of the nature of fire*. Assen: Van Gorcum.

- Golitsis, P. (2023) *Damascius' Philosophy of Time*. Berlin: Walter De Gruyter.
- Grant, E. (1981) "The Medieval Doctrine of Place: Some Fundamental Problems and Solutions," in Alfonso Maierù, Agostino P. Bagliani, eds. *Studi sul XIV secolo in memoria di Anneliese Maier*. Roma, 57–79.
- Gutas, D., ed. (2010) *Theophrastus on First Principles (Known as His Metaphysics)*. Leiden: Brill.
- Haas, F. de. (1998) "Philoponus on Theophrastus on Composition in Nature," in J. van Ophuijsen and M. van Raalte, eds. *Theophrastus. Reappraising the Sources*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 171–188.
- Jammer, M. (1993) *Concepts of Space: The History of Theories of Space in Physics*. Mineola, NY.
- Jaulin, A. (2011) "Straton et la question du temps comme nombre du mouvement," in M.-L. Desclos and W.W. Fortenbaugh, eds. *Strato of Lampsacus. Text, Translation, and Discussion*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 353–366.
- Konstan, D. (2014) "Epicurus on the Void," in G. Ranocchia, Ch. Helmig, Ch. Horn, eds. *Space in Hellenistic Philosophy. Critical Studies in Ancient Physics*. Berlin: Walter De Gruyter, 83–100.
- Morison, B. (2002) *On Location: Aristotle's Concept of Place*. Oxford.
- Morison, B. (2010) "Did Theophrastus Reject Aristotle's Account of Place?" *Phronesis* 55.1, 68–103.
- Rashed, M. (1997) "A 'new' text of Alexander on the Soul's Motion," in R. Sorabji, ed. *Aristotle and After*. London: Institute of Classical Studies, 181–195.
- Sambursky, S. (1982) *The Concept of Place in Later Neoplatonism*. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities.
- Sattler, B. (2020) *The Concept of Motion in Ancient Greek Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sharples, R., Gutas, D., eds. (1998) *Theophrastus of Eresus. Commentary Volume 3.1: Sources on Physics (Texts 137–223)*. Leiden: Brill.
- Sedley, D. (1987) "Philoponus' Conception of Space," in R. Sorabji, ed. *Philoponus and the rejection of Aristotelian Science*. London: Duckworth, 140–153.
- Siorvanes, L. (1996) *Proclus: Neo-platonic Philosophy and Science*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Sorabji, R. (1988) "Theophrastus on Place", in W. W. Fortenbaugh, R. Sharples, eds. *Theophrastean Studies: On Natural Science, Physics and Metaphysics, Ethics, Religion, and Rhetoric*. New Brunswick: Transaction Publishers, 139–66.
- Sorabji, R. (1998) "Is Theophrastus a Significant Philosopher?" in J. van Ophuijsen and M. van Raalte, eds. *Theophrastus. Reappraising the Sources*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 203–221.
- Steinmetz, P. (1964) *Die Physik des Theophrast*. Bad Homburg: Max Gehlen.
- Tieleman, T. (2014) "Posidonius on the Void. A Controversial Case of Divergence Revisited," in G. Ranocchia, Ch. Helmig, Ch. Horn, eds. *Space in Hellenistic Philosophy. Critical Studies in Ancient Physics*. Berlin: Walter De Gruyter, 11–52.
- Verde, F. (2021) *Peripatetic Philosophy in Context*. Berlin: Walter De Gruyter.

Wardy, R. (1990) *The Chain of Change: A Study of Aristotle's Physics* 7. Cambridge: Cambridge University Press.

References in Russian:

Afonasin, E. V. (2016) "Teofrast. O pervykh nachalakh [Theophrastus. On first principles]," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 10.2, 710–732.

Afonasin, E. V. (2025) "Straton i pustota. Peripateticheskaya fizika ellinisticheskogo perioda [Strato and the Void. The Peripatetic Physics of Hellenistic Period]," *Platonovskie issledovaniya [Platonic Investigations]* 23.2, 110–132.

Afonasin, E. V. (2026) "Teofrast o dvizhenii nebes [Theophrastus on Celestial Motion]," *Platonovskie issledovaniya [Platonic Investigations]* 24.1, 136–158.

Mesyats, S. V. (2026) "Prokl o vechnosti i vremeni [Proclus on eternity and time]," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 20.1, 242–273.